

С - 89
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

АЛИ СУЛЕЙМАН

РОЛЬ ДОИСЛАМСКОЙ "ПОЭЗИИ ПРОТЕСТА" (У-УП вв.)
В ПРЕОБРАЗОВАНИИ РЕАЛЬНОСТИ

Специальность 10.01.06 – Литература народов
зарубежных стран Азии и Африки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 1991

Работа выполнена в Отделе литератур народов зарубежных стран Азии ордена Трудового Красного Знамени Института востоковедения АН СССР.

Научный руководитель — Доктор филологических наук,
Профессор ШИДФАР Б.Я.

Официальные оппоненты — доктор филологических наук
ШАГАЛЬ В.Э.

кандидат филологических наук
МИКУЛЬСКИЙ Д.В.

Ведущая организация — Университет Дружбы Народов
Имени Патриса Лумумбы

Защита состоится " _____ " _____ 1991 г. в _____
часов на заседании Специализированного Совета Д.003.01.04
по филологическим наукам при Институте востоковедения АН
СССР по адресу: г.Москва, ул.Рождественка, 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института востоковедения АН СССР по адресу: г.Москва, ул.Рождественка, 12.

Автореферат разослан " 28 " декабрь 1991 г.

Ученый секретарь
Специализированного Совета
по филологическим наукам

Г.С.Герасимова

© Институт востоковедения АН СССР, 1991

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обоснование темы и цель диссертации. Данная работа посвящена исследованию того направления доисламской арабской поэзии, которое названо нами "поэзией протеста", поскольку тем общим, что объединяло поэтов, рассматриваемых нами, был именно протест против разных аспектов современного им общества.

Обычно рассматривалось, каким образом условия жизни влияют, прямым или опосредованным образом, на создание и развитие словесности того или иного народа, и данный вопрос, как представляется, достаточно освещен в том, что касается доисламской арабской поэзии. Однако, оставлялась почти без внимания другая сторона вопроса — как слово, произнесенное поэтом, обретает новую жизнь, становясь общим достоянием, распространившись в широких массах народа и таким образом создавая определенное общественное мнение. Общей целью данной работы является показ того, какую роль сыграла "поэзия протеста" в подготовке новых жизненных условий, коренных изменений в жизни и мировоззрении арабов.

Задачей данной работы является выявить истоки атмосферы, способствовавшей относительно быстрому распространению новой идеологии — ислама, показать, что Аравийский полуостров как бы созрел для восприятия нового мировоззрения, религии и государственности, представшей как воплощение порядка в противоположность "джахилийскому хаосу". При этом отмечается, что различные направления "поэзии протеста" были ручейками, вливавшимися в общественное сознание и формировавшими общественное мнение, конечно не сразу, а в течение довольно длительного времени.

С этой целью исследовано творчество наиболее крупных и

известных доисламских поэтов и приведены примеры из их стихов, которые представились нам наиболее интересными.

Источником исследования послужили диваны доисламских поэтов и средневековые антологии, материалы которых позволяют по-новому подойти к предмету исследования. Нами были использованы также работы арабских и зарубежных (главным образом английских) ученых, специалистов по средневековой арабской истории и литературе.

Научная новизна данной работы состоит в том, что в ней впервые ставится и разрешается вопрос об общественном звучании древнеарабской поэзии, о ее роли как фактора, подготовившего атмосферу для коренного перелома в сознании арабов-язычников VI-VII вв.

Актуальность изучения данной проблемы обусловлена той важностью, которую особенно в настоящее время приобретают вопросы, связанные с исламом – его корнями, ролью в жизни арабов и других мусульманских народов, их исламизацией, которая в ряде случаев проходила в течение довольно длительного промежутка времени, необходимостью выяснить условия исламизации, причем обнаружатся довольно любопытные и своеобразные экономические, политические и культурные факторы, замедляющие или ускоряющие этот процесс. В данном случае, исследование позволило сделать вывод о необходимости и естественности появления новой религии арабов – ислама. Следует учитывать также, что словесное творчество арабов эпохи джахилийи рассматривалось довольно односторонне, и почти полностью игнорировалась его роль как важного социально-психологического фактора.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты и многие до сих пор не вошедшие в научный обиход материалы могут быть включены в общий курс арабской литературы и помогут по-новому осветить некоторые моменты развития арабской доисламской словесности.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и одобрена к защите на заседании Отдела литератур народов зарубежной Азии Института востоковедения АН СССР. Отдельные положения диссертации были опубликованы автором в сирийских литературных журналах.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав и Заключения. Прилагается библиография, содержащая использованные автором диссертации источники.

Во Введении, где обоснованы тема и актуальность работы, ее новизна, говорится о предпосылках появления нового мировоззрения, новой религии арабов – ислама и мусульманского государства, сплотившего воедино разрозненные аравийские племена. Это было крупнейшим переломным моментом не только для данного региона, но и для многих других стран, которые вошли в орбиту арабо-мусульманской культуры. Ислам возник не на пустом месте и не случайно. Его возникновение было подготовлено целым рядом факторов – экономических, политических и социально-психологических, создавших обстановку беспокойства и нестабильности, своеобразный кризис старых традиций, осознание бессмысленности многих языческих табу и установлений.

Все эти моменты осознавались арабами разных племен; усиливающееся недовольство, попытки как-то улучшить свое положение выражались в самых разных формах – в появлении многочисленных беглецов из своего племени, иногда находящих убежище в другом, в еще более ожесточенных набегах не только на чужое, но и на свое племя, а также в устном творчестве народа, в широко известных эпических повествованиях о "днях арабов".

Уже в этих сказаниях ощущается протест против неразумия некоторых племенных установлений, желание как-то изменить их. Однако, с наибольшей силой эти настроения выразились в поэзии, которая в те времена на Аравийском полуострове была поистине "гласом народа". Не случайно в кризисный период, датируемый V-началом VII вв. наблюдается подлинный взлет поэзии. В это время творят авторы знаменитых "муаллаков", другие выдающиеся поэты, которые не вошли в состав канонической "десятки". Они не были первыми – отточенность поэтических форм и образов говорит о длительной традиции, в рамках которой сформировался "общий поэтический язык".

Интересующий нас аспект, ставший объектом данного исследования, – направление арабской доисламской поэзии, названное нами "поэзия протеста". Сюда относятся и целые циклы произведений определенных поэтов, и отдельные касиды и бейты, в которых особенно ясно проявилось осознанное недовольство, протест поэтов-выразителей общественного мнения – против многих моментов современной им жизни, главным образом, против ее "неразумия", проявляющегося в жестокости, постоянных войнах, эгоизме богатых и влиятельных членов племени, забвении ими законов

прославленного арабского гостеприимства, щедрости и взаимопомощи, против поклонения "беспольным" идолам (главным образом, у поэтов-христиан и ранних монотеистов-ханифов).

В главе I "Направления и тенденции поэзии протеста" автор говорит о различных направлениях "поэзии протеста", о некоей общей линии, объединяющей разные ее направления, которые более подробно рассматриваются в следующих главах. Автор утверждает, что первыми "нонконформистами", выступившими против господствующих и привычных представлений, были именно поэты, люди эмоциональные, глубже осознававшие несправедливость, своеобразная "интеллигенция" своего времени. Поэт был выразителем общественного мнения и в свою очередь формировал общественное мнение в форме хвалебной или сатирической касыды. Отличавшиеся высокими художественными достоинствами и большой эмоциональностью стихи старых арабских поэтов могли создать нужную эмоциональную атмосферу, влиять на людей в определенном направлении самым непосредственным образом, поэтому поэзия была чрезвычайно важным фактором в создании определенной социально-психологической атмосферы. Воздействие "хулы" усиливает тот факт, что корни ее уходят в древнейшие магические представления, когда слову поэта приписывалась магическая сила — оно могло губить врага. Это в известной степени объясняет высокий статус поэта в арабском племенном обществе периода, непосредственно предшествующего появлению ислама.

В V-VI вв. Аравия неуклонно движется от племенного сепаратизма к объединению, выразившемуся вначале в появлении широких племенных союзов и завершившемуся формированием национального государства под знаменем единой веры — ислама. Не случайно, первые стрелы "хулы" направлены против племенных идолов, воплощающих племенной сепаратизм, против ряда представлений общества, где существуют эти идолы, устаревших и представлявших уже явно недостаточными. Идолы высмеиваются иногда достаточно наивно, как, например, в рассказе о некоем кочевнике и идоле по имени Саад, напугавшем его верблюдов:

Мы пришли к Сааду, чтобы он соединил нас,

Но Саад лишь рассеял нас, и мы больше не хотим знать
Саада.

Да и что такое Саад, если не простой камень в
бесплодной

Земле, он не помогает и не имеет соображения.¹

Возникает протест против неизбежных племенных традиций, требующих обязательного участия в войнах на стороне своего племени. Постоянные племенные стычки хотя еще не осуждаются безоговорочно, но все же признаются делом бесчеловечным и неразумным.

Во многих стихах вопрос о помощи соплеменникам уже перенесен в область морали, ибо если для настоящего племенного героя морально все, что на пользу племени, то теперь появляется совершенно иной подход: добро и зло соизмеряются не с выгодой данного племени, а с некими "общечеловеческими" критериями.

Интереснейший пример расшатывания племенного сознания в период, непосредственно предшествующий появлению ислама, представляет поступок прославленного героя и поэта Хатема ат-Тай, который на время отказался от принадлежности к племени Тай, найдя убежище в племени Бакр, выражая таким образом протест против войны, которую вели его соплеменники, и сложил об этом стихи. Он подвергся осуждению поэтов-приверженцев племенных традиций². Таким образом, мы видим наличие традиции поэтической полемики, в которой выражаются противоречивые взгляды людей в эту переходную эпоху.

Старые ценности рушатся, и на место племенного сознания уже пришло индивидуальное, но все эти изменения еще не получили какой-либо четкой формы, не оформились еще в государственно-религиозное сознание, что произошло лишь во времена ислама.

Интересно в этом отношении творчество крупнейшего доисламского поэта Имруу-ль-Кайса, вся жизнь которого представляет собой протест против общепринятого. Его любовная лирика является протестом против брачных обычаев джахилийских арабов, где женщина, несмотря на кажущуюся относительную свободу, обладала гораздо более низким общественным статусом, чем после появления коранических установлений. Прославленная яркая эротика любовных стихов Имруу-ль-Кайса иронична. Это насмешка

¹ Ибн аль-Кальби, Китаб аль-аснам ("Книга идолов"), Каир, 1934, с. 26-27.

² Аль-Амиди, Аль-Муталиф ва-ль-Мухталиф ("Сходное и различное"), Каир, 1954, с. 25.

над самим собой, над своими бесчисленными возлюбленными. Имруу-ль-Кайс издевается над традиционными бедуинскими добродетелями — доблестью, щедростью, целомудрием^I. Стихи его — своеобразный бунт плоти, протест против всякого насилия над личностью поэта, всяческих табу, постоянных войн.

Те же черты отмечаются и в творчестве другого крупнейшего поэта "джахилийи" — Тарафы ибн аль-Абда. Поэт больше не мыслит категориями племени, его стихи — протест индивидуальности, личности, сознающей свою независимость от традиций племенного общества. Его гедонизм как бы противопоставлен суровому аскетизму идеального бедуинского героя.

Иные темы характерны для "чернокожих поэтов" (которых арабская традиция выделяет в отдельное направление): человека следует ценить не за знатность и безупречную родословную, а за его доблесть, и цвет кожи не имеет никакого значения по сравнению с личными качествами человека. Принцип равенства людей, невзирая на их происхождение, впервые прозвучавший в устах джахилийских поэтов, стал одним из основных принципов раннего ислама.

Как бы подготовил почву аскетизму первых мусульман образ доблестного и гордого поэта-скитальца, кичащегося своей бедностью, которая воспринимается как символ честности, представляющий как в стихах Антары, так и у поэтов-"бродяг", отщепенцев, изгоев, порвавших со своим племенем и скитающихся по пустыням.

Мотивы протеста в джахилийской поэзии становились все резче по мере того, как осознавалась узость племенного мировоззрения, необходимость объединения племен, что давало бы какие-то гарантии безопасности, ибо в эпоху распада племенных отношений, которую переживал Аравийский полуостров в это время, даже племенные традиции, доселе незыблемые, становились явной помехой, и неписанные законы обычного родового права часто нарушались, и эти мотивы с наибольшей силой выразились в стихах афористически-моралистического или дидактического направления.

Глава II "Афористически-морализующее направление в доисламской поэзии" посвящена творчеству многочисленных поэтов, творивших в жанре "хикам" (букв. "мудрость", а также "мудрое изречение, афоризм").

В кризисный период естественно появление поэзии морализаторского направления, в которой протест выражается не в отрицательной форме сатирического высмеивания, а в "положительной" форме увещевания, как бы "поэтической проповеди", обращаемой к благоразумию людей с призывом стать лучше, прекратить распри, не обижать, быть справедливым и щедрым, не преступать пределов в мести, не обманывать и не предавать.

В стихах ряда выдающихся поэтов (Зухейр, аль-Аша и многих других) общество представляется враждебным человеческой личности, несовершенным, полным несправедливости и несообразностей. Человек как бы мечется между двумя крайностями — стремлением к безудержной свободе действий, не знающей никаких ограничений, в условиях которой может выжить лишь сильный и жестокий, и желанием улучшить это общество, сохранить то хорошее, что было в старых обычаях, и изгнать то плохое, что способствует разгулу несправедливости. Человек, страдающий от насилия, начинает ненавидеть насилие. Поэт выражает свою ненависть к насилию, его неприятие в стихах, очень скоро становящихся всеобщим достоянием.

У некоторых исследователей^I проглядывает мысль о том, что арабы времен джахилийи не знали философской или морализаторской поэзии, поскольку сама жизнь не давала для этого оснований, или, по крайней мере, тенденции осмысления жизни и осознание человеческих ценностей были у них чрезвычайно слабы. Однако, эти утверждения совершенно не соответствуют действительности.

Напротив, джахилийская арабская поэзия необычайно богата поэтическими образцами философской (морализаторско-афористической) лирики. Афоризмы, рассуждения на морально-этические темы являются как раз одним из наиболее часто встречающихся элементов или мотивов джахилийской поэзии.

Обычно это призыв к доброте, терпимости и, главное, сдержанности, которая является у них высшей добродетелью и мерилom ценности человека. Превозносится благоразумие (кротость, "хильм"), которое постоянно противопоставляется "невежеству", буйству, неразумию ("джахль"). Немаловажную роль играл критерий "мудрости" даже в статусе человека.

^I См., напр.: Р.Блашер. История арабской литературы. Пер. на араб. язык Ибрахима аль-Килани, Дамаск, 1973, с. 261.

^I Диван Имруу-ль-Кайса, Бейрут, 1962, с. II, 22 и т.д.

"Хикам" как обличения дурного и призыв к доброму являлись почти непременным компонентом касыды даже у поэтов, заслуживших в арабской средневековой традиции славу людей безудержных и своевольных, то есть, чьи личные качества не всегда соответствовали провозглашаемому ими "Мудростям". Много таких морализаторских фрагментов у Имруу-ль-Кайса, Тарафы, Дурейда ибн Сымма, аль-Аша, Амира ибн Туфейля, аш-Шанфары, Амра ибн Мадикариба и прочих, которые отнюдь не были образцами терпения и мудрости. Это говорит о широком распространении философских мотивов, часто стремящихся к широкому обобщению, а также различных "умозрительных" афоризмов.

Традиционными стали мотивы быстротечности времени и несправедливости судьбы. Блестящей афористической формой отличаются стихи аль-Аша Маймуна, одного из наиболее выдающихся поэтов джахилийской эпохи. Афоризмы, выражающие в виде кратких чеканных высказываний "призыв к разуму", были действенным инструментом воздействия на общественное мнение, предлагая иной подход к жизни, иные поведенческие критерии, обладая определенной просветительской, воспитывающей силой. Многие популярные "хикам" становятся пословицами, как строки Зухейра из касыды, где он говорит о необходимости отвечать злом на зло, иначе злодеи будут всегда оставаться безнаказанными:

Кто не защищает свой дом с оружием в руках,

Того уничтожают, кто не обижает людей – того обижают.¹

Сетуня на порочность человеческой природы, аль-Аша говорит:

Люди словно прогнили.

И лишь если исправит нас Аллах,

Мы сможем исправиться.²

Жанр "хикма" вошел в поэтическую традицию, служа показателем искусства поэта, его владения всеми сюжетами и темами. Это еще один довод в пользу того, что никак нельзя говорить об отсутствии или даже "слабости" философского (морализаторского) направления в джахилийской поэзии.

В творчестве многих поэтов морализаторская тема является доминирующей. Можно условно назвать такую поэзию "реформаторской", имея в виду ее общее настроение – стремление к но-

¹ Диван Зухейра ибн Абу Сельмы, Бейрут, 1964, с. 88.

² Диван аль-Аша Маймуна, Египет, б/г, с. 237.

вому, критическое отношение ко многим сторонам жизни, осознанное и требующее перемен ("реформ" – "ислах", как звучит по-арабски наше определение данного направления).

К числу таких поэтов относятся Аксам ибн Сайфи, аль-Ахвах аль-Ауди, Кусай ибн Саида, Зухейр ибн Абу Сельма, Зу-ль-Асба аль-Адвани, Абид ибн аль-Абрас, Амир ибн аз-Зарф и многие другие¹. Примечательно, что все они жили примерно в одно и то же время, и это говорит о том, что широкое развитие философского ("реформаторского") направления было отнюдь не случайным, а знаменовало определенный этап развития общественно-го сознания, ощущение необходимости перемен, что характерно особенно для периода У-начала УП вв., увенчавшегося появлением новой религии – ислама и арабской государственности.

Упомянутые нами поэты, отражая настроение общества, вместе с тем оказывали очень большое влияние на дальнейшее развитие подобного настроения благодаря как своему высокому социальному статусу, так и, главным образом, воздействию художественного слова, оставляя немалую силу внутри джахилийского общества, выступая против многих понятий и ценностей, характерных для племенного общества Аравийского полуострова и, главным образом, выражая ощущение единства арабов, которых ослабляет племенная рознь, постоянное насилие, жестокость, отсутствие социальных гарантий.

Естественно, они не могли сформулировать свои мысли с полной четкостью, да и не требует (и не позволяет) этого сам поэтический жанр, однако они недвусмысленно осуждают "гневливость", то есть, нежелание считаться с нормами или правилами, призывая к справедливости, сдержанности и терпению и требуя от людей обдумывать свои действия, не поддаваясь внезапному импульсу. Так же постоянны призывы к миру между племенами, описания ужасов войны. Нет никакого сомнения, что подобная поэзия оказала большое влияние на определенное "смягчение нравов", хотя бы появление нового отношения к давно известным и общепринятым вещам, переоценку некоторых ценностей.

Недаром пророк высоко оценивал деятельность многих джахилийских поэтов, мировоззрение которых было близко к духовным ценностям ислама, например, стихи Антары именно за их

¹ См.: Ибн Касир, Аль-Бидая ва-н-нихая ("Начало и конец"), Каир, б/г, с. 123-129.

"благородство", то есть, провозглашение нового отношения к богатству, знатности и доблести, а также за аскетизм¹.

Поэты создают в общественном мнении взгляд на "невежество", под которым они понимают притеснения и своеволие, как на опасное явление, от которого происходят все беды. Притеснения в эпоху беззакония особенно опасны тем, что влекут за собой новые притеснения. Обиды вызывают ответные обиды, смерть — новые смерти. Убийство осуждается ими, главным образом, потому, что оно ведет к кровной мести. Это не удивительно, поскольку даже поэт, стремящийся провозгласить принципы нового отношения к обществу, не может выйти за пределы этого общества — он не говорит, что убивать нехорошо, это рассуждение покажется его слушателям абстрактным, а утверждает, что убийство непохвально потому, что приведет ко многим смертям. Это попытка истолковать законы общественного блага чувством самосохранения. Поэтому многие арабийские поэты той эпохи, прославившиеся своими воинскими подвигами и успешными набегами, как бы стараются оправдать свои действия тем, что "зло можно отвратить лишь злом, а обиду предотвратить лишь обидой". Амр ибн Кульсум говорит:

Да, пусть никто не проявляет своего невежества
и буйства над нами,

Или мы проявим свое невежество превыше всех невежд.²

Среди поэтов рассматриваемого направления особое место занимает Зухейр ибн Абу Сельма, "певец мира", один из самых талантливых древнеарабских поэтов. В его стихах мы видим, пожалуй, наиболее осознанное стремление к формированию общественного мнения, ощущение ответственности поэта за общество, в котором он живет, попытку как-то изменить это общество, сделать его менее "невежественным", научить людей обдумывать свои поступки, быть более терпимыми.

Протестуя против розни и вражды племен, Зухейр как бы делает критерием ценности и достоинства человека его отношение к племенным войнам и набегам и в соответствии с этим сла-

¹ Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани, Китаб аль-агани ("Книга песен"), Каир, б/г, т. I, с. 83. Приводятся слова Мухаммада: "Сказал Благородный пророк: "Ни разу не описывали при мне бедуина, которого я желал бы увидеть, кроме Антары".

² Аль-Бухтури, Аль-Хамаса, Бейрут, 1967, с. 56.

гает ему либо хвалу, либо хулу. Уже то, что в его стихах воинские подвиги не столько восхваляются, сколько осуждаются, говорит, во-первых, о том, что не следует представлять себе древнеарабских поэтов послушными рабами традиции, за рамки которой они постоянно выходят, а, с другой стороны, указывает на изменение настроения общества, которое выражает талантливый поэт, пользовавшийся самой широкой известностью и популярностью во всех арабийских племенах. Сама жизнь Зухейра, поэта, возглавлявшего "моралистическое" направление доисламской поэзии, предстает в сказаниях, сложившихся вокруг его имени, как набор благоразумных поступков, демонстрирующих его высокие моральные качества. Сознавая силу своих стихов, Зухейр говорит: "Стихи не вернешь, когда они сказаны"¹. Он замечает о своих врагах:

Заслужено ими, и еще раз заслужено ими, чтобы
постигло

Их мое слово, что не оставит невредимым и не
пощадит.²

Хотя Зухейр был, бесспорно, одним из зачинателей и вождей данного направления, можно отметить целую плеяду его последователей, многие из которых не уступали ему в таланте. Это аль-Харис ибн Ибад, Хатем ат-Таи, аль-Фанад аз-Замани, Зу-ль-Асба аль-Адвани и ряд других.

В стихах джахилийских арабийских поэтов данного направления, "поэтов-реформаторов", видно стремление к улучшению общества через улучшение отдельной личности. Воспитывая одного человека, как бы говорят они, внушая ему "похвальные качества", можно постепенно воспитать все общество, где образуется соответствующая традиция "разумного" поведения. Таким образом может произойти радикальное изменение нравов и обычаев общества.

Джахилийская "мудрость" обычно не носит какого-нибудь религиозного характера — человек должен обладать добродетелями ради себя самого и своих ближних, а не ввиду возмездия или воздаяния на том свете. В этом ее существенное отличие от более поздних поэтов, где постоянно присутствует тема возмездия после Страшного суда (несколько иначе обстоит дело у доислам-

¹ Диван Зухейра, с. 53.

² Там же, с. 34.

ких поэтов-христиан и ханифов, о которых речь пойдет ниже).

Жанр "хикма" постоянно пользуется очень выразительными образами вечно движущейся и изменяющейся природы. Подобные "доказательства природой" характерны вообще для образной системы ближневосточных народов, особенно семитов (см.: Книгу Иова, пророков, Коран). Даже сакральные памятники широко используют образы природы для доказательства бытия и могущества бога, так что данный прием является мировоззренческим, и не удивительно, что он широко используется в джахилийской поэзии, в стихах разных жанров, от философских до касыды-мадха.

Рассматриваемое нами здесь направление джахилийской поэзии весьма многообразно и по тематике, и по стилю, отличаясь весьма широким диапазоном — от чеканных "спокойных" афоризмов до проникнутых страстной убежденностью стихов-восклицаний. Здесь нет каких-либо строгих клише, хотя употребляются привычные образы-метафоры (например, "орлы насилия"). Поэзия этого направления, в силу своего характера, самым тесным образом связанная с реалиями аравийского общества, была наиболее жизненной и "перспективной", не будучи зависимой от вкусов мадху, как касыды-мадхи. Она также менее традиционна, более свободна как в тематике, так и в композиции, поскольку в первую очередь должны быть отражены конкретные "требования жизни" — отношение к тому или иному событию или лицу.

Возникает мысль, что многие исследователи явно недооценивали или неверно оценивали период доисламской истории арабов, может быть, под влиянием самого наименования "джахилийя" — "невежество", которое заранее давало некий негативный настрой. На самом деле все обстоит не так просто, и, несмотря на то, что от этого периода до нас дошло отнюдь не все его наследие, творчество джахилийских поэтов говорит о том, насколько зрелой была их мысль, это были люди не "дикие и невежественные", несмотря на своеобразие некоторых моментов материальной культуры и кочевой быт.

В главе III "Оппозиционное направление в религиозно-мировоззренческой поэзии (иудейские, христианские и ханифские поэты)" исследуется творчество джахилийских поэтов, исповадовавших монотеистические религии, в том числе, ханифство — трудно определяемое религиозное течение, основным для которого является признание единого бога.

Глава содержит три раздела: 1. "Иудейские поэты и их влияние на доисламское общество", 2. "Поэты-христиане Аравийского полуострова" и 3. "Поэты-ханифы".

Говоря о культурных и религиозных факторах, влиявших на джахилийское общество, нельзя не отметить роль иудаизма, христианства и ханифства в его культурной, идейной и религиозно-мировоззренческой жизни, не подчеркнуть значение монотеистических религий, хотя, по нашему мнению, сами по себе эти религии не смогли поколебать языческие верования и традиции, подготовить почву, хотя бы косвенным образом, для принятия нового мусульманского мировоззрения.

Коран, исторические хроники и мусульманская агиография указывают на значительную роль иудеев (евреев и арабов, исповедывающих иудаизм) в Ясрибе-Медине и окрестных землях, на их экономическое и политическое влияние, престиж "людей Писания". Еще более широко было распространено христианство, затем появилось учение ханифов.

Однако, принятие тем или иным племенем Аравийского полуострова одной из монотеистических религий не затрагивало достаточно глубоко родоплеменные отношения и духа племенной непримиримости. Религия была чем-то "внешним", наносным. На слабость религиозного чувства в доисламскую эпоху как у язычников, так и у иудеев и христиан указывали многие и средневековые, и современные ученые¹.

1. "Иудейские поэты и их влияние на доисламское общество". Иудеи жили той же жизнью, что и прочие жители Аравийского полуострова². Многие из них вели кочевой образ жизни, восприняли нравы арабов доисламской эпохи, переняли их традиции и даже имена. Они говорили на арабском языке и слагали стихи тех же жанров, что и арабские поэты-язычники. Вряд ли можно говорить о какой-то значительной роли иудейской поэзии в религиоз-

¹ См.: Исразль и Левинсон, Тарих аль-яхуд фи балад аль-араб ("История евреев в арабских странах"), Египет, с. 12-13; Ибн Халдун, Аль-Мукаддима ("Пролегомены"), Бейрут, 1961, с. 263-264; Ахмед Амин, Дуа-ль-ислам ("Заря ислама"), Бейрут, 1975, с. 32; Блашер, История арабской литературы, с. 76; Ибн Рашик, Аль-Умда ("Основа"), Каир, 1955, с. 94.

² Мухаммад Рашид аль-Акли, Аль-яхуд фи джазират аль-араб ("Иудеи на Аравийском полуострове"), Амман, 1980, с. 91-92.

но-мировоззренческой жизни аравийского общества. Нам достаточно трудно судить об этом ввиду отсутствия образцов чисто религиозной или религиозно-философской ("духовной") иудейской поэзии на арабском языке. Однако, если судить по дошедшим до нас стихам поэтов-иудеев, они ничем не отличаются от языческой доисламской поэзии ни по содержанию, ни по языку и форме. Поэзия на арабском языке, созданная аравийскими иудеями, не является духовной поэзией, в ней нет никакой религиозной апологетики, превознесения иудаизма или речи о его превосходстве над другими верованиями, нет также и мистических мотивов. Вероятно, в этой поэзии отразился религиозный индифферентизм, вообще свойственный периоду джахилийи; поэтов-иудеев интересовало то же, что и язычников — войны, женщины, традиционные темы племенного поэта.

Если существовало религиозное направление в иудейской поэзии, направленное против христиан или ислама и мусульман, но из-за фанатизма мусульманских равиев до нас не дошли образцы таких стихов, то должны были сохраниться ответы-опровержения поэтов-христиан или мусульман, как это было обычно. Кроме того, в исторических хрониках и житиях в изобилии встречаются высказывания противников пророка, их споры с пророком, прямые нападки на Мухаммада. Логично ли предполагать, что равии передавали прозу, но непременно "забывали" поэзию?

Подлинная причина отсутствия религиозных мотивов или религиозных идей в иудейской поэзии кроется, по нашему мнению, в той же религиозной индифферентности. Может быть, однако, что такая поэзия слагалась на иврите (что весьма сомнительно).

Самые древние образцы стихов иудейских поэтов Аравии до нас Ибн Салам в книге "Табакат фухуль аш-шуара" ("Ряды знаменитых поэтов")¹. Материал о них есть также в других средневековых сочинениях. Наиболее известным и талантливым поэтом-иудеем был Самаваль ибн Адия, вокруг имени которого сложилось множество легенд, связывающих его с именем Имруу-ль-Кайса. Самаваль стал одним из героев эпохи джахилийи, воплощая верность. Его творчество ничем не отличается от стихов языческих поэтов — его современников — те же жанры, тот же стиль и общее настроение. О характере их говорят отрывки, приведенные у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани; поэт сложил их,

оплакивая сына, убитого гассанидским царьком, которому Самаваль не отдал кольчуги, оставленные у него Имруу-ль-Кайсом:

Я сохранил кольчуги аль-Кинди (Имруу-ль-Кайса),
поистине,

Когда я покровительствую, то соблюдаю верность.

Некогда заповедал мне отец мой Адия:

"О Самаваль, не разрушай то, что я построил".

Построил мне Адия неприступную крепость,

И воду, когда я захочу, то и добуду себе, и напою
других.¹

Выдающимся поэтом-иудеем был Сайа (или Шуба) ибн Гарид, чьи стихи иногда приводил пророк как пословицы².

В результате исследования многочисленных образцов поэзии Аравийских иудеев на арабском языке, автор диссертации пришел к выводу, что она ничем не отличалась от поэзии прочих поэтов и, следовательно, трудно говорить о каком-то ее влиянии на джахилийскую поэзию. Если и было какое-то влияние, то его можно отнести лишь за счет таланта таких поэтов, как Самаваль и Сайа.

2. "Поэты-христиане Аравийского полуострова". Хотя многие арабские племена (Танух, Кудиа, Раба, Тамим, Тай, Кинда и другие) в разных областях Аравийского полуострова приняли христианство и имелось множество поэтов-христиан, однако собственно "христианской" духовной поэзии (кроме творчества Ади ибн Зейда аль-Ибади) не существовало. Создается впечатление, что христианство, несомненно оказавшее определенное влияние на жизнь аравийского общества, почти не повлияло на развитие поэзии. Кочевники восприняли внешнюю сторону (обрядность) христианства, но сущность его оставалась для них в известной мере чуждой. Можно было бы усмотреть некоторое влияние христианства в дидактических стихах, однако, по мнению автора данной работы, они продиктованы не непосредственно христианским вероучением, а гораздо более древними мировоззренческими моментами, общими для религиозных и философских учений, возникших и развивавшихся на Ближнем Востоке.

Бесспорно влияние христианства на доисламскую поэзию, но

¹ Аль-Агани, т. 25, с. 8819.

² Абу Таммам, аль-Вахшийят (или "Малая хамаса"), Каир, 1963, с. 110.

¹ Ибн Салам, Табакат фухуль аш-шуара, Египет, б/г, т. I, с. 279.

источник его не следует искать в поэзии авторов-христиан. Следует обратиться прежде всего к творчеству крупных поэтов-язычников, которые поддерживали постоянную связь с центрами христианской культуры в Хире и Сирии, таких, как Набига аз-Зубьяни, Аша Кайс, Хассан ибн Сабит, Аус ибн Хаджар и другие поэты, которые долгое время находились при дворе царей Хиры и вождей племени Гассан, безусловно восприняв влияние христианской цивилизации, с которой познакомились в Ираке и Сирии. Вполне естественно, что их поэзия несла с собой в центральные области и окраины Аравийского полуострова некоторые идеи христианства, элементы образа жизни центров христианской культуры.

Что же касается поэтов-христиан, которые вели кочевой образ жизни, то они ничем не отличались от язычников, культивируя все традиционные жанры доисламской поэзии. Так, поэт-христианин Абд аль-Масих ибн Асала аш-Шейбани рассказывает о торжестве над врагом, упиваясь победой и чувством своей силы и издеваясь над слабостью противников:

О Сельма, я сыт по горло превратностями,
И если будешь спрашивать обо мне, спроси знающего.
Мы набросились на них, и посохами нам были наши мечи
В наших десницах, которыми мы крушили их черепа...¹

Среди поэтов-христиан, авторов стихов дидактического содержания, следует выделить Вараку ибн Науфалю, Абд аль-Масиха ибн Бакилу, аль-Хариса ибн Мадду, Абу Зейда ат-Таи, Ади ибн Зейда, самого знаменитого среди названных поэтов.

Ади ибн Зейд был придворным поэтом царьков Хиры, писцом сасанидского правителя Ирана. Это был человек большой культуры, знавший несколько языков, в том числе греческий и персидский. Это единственный арабский христианский поэт эпохи джахилийи, в творчестве которого явно ощущается влияние христианства. В его стихах имеются мотивы, которые мы впоследствии увидим у некоторых мусульманских поэтов — призыв к благочестию, провозглашение тщеты мирской жизни. Часты мотивы воздаяния на том свете и наказания за грехи. По нашему мнению, трагическое настроение стихов Ади во многом вызвано его длительным заключением. Много стихов он сложил в темнице, где и умер. Творчество Ади ибн Зейда оказало наибольшее влияние на развитие идеи монотеизма в джахилийском обществе, а позже — на развитие

идеи монотеизма в джахилийском обществе, а позже — на развитие жанра "зухдийят":

О тот, кто стремится ступить на путь спасения —
Сделай душу свою прибежищем божьего страха.
Раньше смерти не вижу я другой смерти.
Стребет смерть и обладающего богатством, и сирого.
О, где найти убежище от того, что будет?
Не думаю, чтобы спаслась и птица, улетающая.
О спящий беспечно, опомнись —
Не будь заблудившимся, ослепленным.
Оставь все свои душевные страсти,
Чтобы сохранить власть над душой.
Где же наш разум, если мы надеемся,
Ослепленные, жить вечно после смерти наших отцов.¹

Знаменитая касыда Ади ибн Зейда в жанре "хикма" очень напоминает муаллаку Тарафы ибн аль-Абда, начинающуюся словами "Следы кочевья Хаулы у водоемов Сахмада". По нашему мнению, эта муаллака оказала непосредственное влияние на Ади, и он написал стихи, в которых чувствуется яркая христианская струя, однако, фон их все же языческий, как это наблюдается позже у многих мусульманских поэтов.

Из всех поэтов разных конфессий все же наибольшая роль принадлежит поэтам-христианам и тем, которые познакомились с элементами христианской культуры.

3. "Поэты-ханифы". В арабских средневековых источниках очень большое внимание уделяется поэтам, исповедовавшим так называемое ханифство, которые рассматриваются как предтечи ислама. Этих поэтов объединяло главным образом провозглашение монотеизма и резко отрицательное отношение к язычеству. Самым известным из ханифов был Зейд ибн Нуфейль. Стихи его содержат призыв к отказу от язычества, вере в единого бога, в идею о воскрешении, судном дне и наказании за грехи:

Я обратил свой лик к Тому, кому предался,
Ему принадлежит Земля, несущая тяжелые скалы...
Я обратил свой лик к Тому, единому, кому предался.
Ему принадлежит дождь, который посылает Он сладкой росой.²

¹ Аль-Муфаддалийат, Каир, 1964, с. 304.

¹ Диван Ади ибн Зейда, Багдад, 1965, с. 64-65.

² Сирату расуль Аллах, "Житие посланца Аллаха", т. I, с. 260.

Наиболее полно и ярко представляет ханифов Умеййа ибн Абу-с-Салт ас-Сакафи. Этот поэт, восставший против поклонения идолам и призывавший всех арабов принять веру ханифов, претендовал на роль пророка. Поэзию он считал средством воспитания людей в духе провозглашаемых им истин. Он предвещал появление "арабского пророка" (имея в виду прежде всего себя):

Хвала Аллаху утром и вечером,

Да будет благо нам, господи, слава!..

Пророк появится наш, из нашего числа, и известит

Нас, какова будет судьба наша после окончания жизни.¹

Мы узнаем в его стихах изречения, которые позже произнес Мухаммад:

Поистине, дивны знамения господи нашего,

И в них сомневается лишь неверный.

Он сотворил ночь и день, и разделил

Меж ними, по своему усмотрению.²

Умейе принадлежат стихи разного содержания, но наиболее важной является его духовная поэзия, оказавшая громадное влияние на общественное мнение, пользовавшаяся большой известностью. Таким образом, представляется, что из поэтов, принадлежащих к разным конфессиям, наибольшее влияние на подготовку к восприятию нового мировоззрения оказали прежде всего поэты-ханифы.

В главе IV "Творчество поэтов-изгоев" идет речь о творчестве поэтов, стоящих на низшей ступени общества доисламской Аравии, считавших себя обойденными и униженными. Естественно, что у таких поэтов наиболее силен протест, проявляющийся в своеобразном противопоставлении себя этому обществу. Традиция делит поэтов-изгоев на "чернокожих поэтов" и поэтов-"бродяг", порвавших со своим племенем.

I. "Чернокожие поэты". Сказители-равии донесли до нас имена многих темнокожих поэтов. Наиболее известными из них были Антара ибн Шаддад, упоминавшийся выше, Аль-Аббас ибн Мирдас, Сулейк ибн Сулака, ан-Наджаши аль-Хадиси, Сухейм Абдани ибн Хасхас, Сухейм ибн Вакиль. Основной темой стихов этих поэтов является выражение чувства ущербности, продиктованной цветом кожи. Стараясь показать, что они, даже будучи

рабами, ничуть не хуже белых, а часто превосходят их, темнокожие поэты восхваляют свою доблесть, силу, благородство, щедрость, поэтический дар. Осознавая свое особое положение в обществе, они протестовали против несправедливости подобного положения. Иногда темнокожий поэт становился бродягой, олицетворяя тип "благородного разбойника", представленный в своем классическом виде в личности Урвы ибн аль-Варда. Этот персонаж часто появляется в фольклоре и литературе многих народов мира, в арабской же доисламской поэзии, вообще отличающейся гиперболизацией образов и эмоций, и данный персонаж получил гиперболизированные черты, видные в стихах данных поэтов, которые "пешком пересекают страшные пустыни, по несколько дней не едят, отличаются непомерной гордостью, "ни от кого не принимая милости", и тому подобное. При очередной верности основы здесь имеется уже ставшее традиционным поэтическое преувеличение. В данной главе рассматривается творчество наиболее интересных "чернокожих поэтов" - Сулейка ибн Сулаки, Хаффафа ан-Наджаши и Сухейма, протестовавших против неравенства людей и воспевавших в стихах свою месть врагам, свою доблесть, силу и даже успехи у белых женщин - своеобразный вид мести. Благодаря своей эмоциональности, эти стихи оказывали заметное воздействие на общественное мнение, заставляя людей по-новому смотреть на своих чернокожих рабов и рабынь.

2. Поэты-"бродяги". Творчество так называемых поэтов-"бродяг" представляет собой интереснейшее социальное и литературное явление. Трудно сказать, когда началось движение "отщепенцев" - людей, порвавших со своим племенем. Мы располагаем сведениями об аравийском обществе примерно с конца V века, которым традиция датирует появление самых ранних дошедших до нас образцов творчества поэтов-"бродяг". И в жизни, и в творчестве этих людей мотивы протеста достигли наибольшей силы. Поэты-"бродяги" были представителями разных племен, порвавших с ними по разным причинам: некоторые были объявлены вне закона из-за нарушения определенных племенных табу, другие предпочли большую свободу и кочевали по землям своего племени или чужих племен, угоняя скот и совершая нападения на становища, иногда объединяясь в группы.

Это явление говорит о том, что племенные связи сильно ослабли, было частично утрачено ощущение неразрывного единства со своим племенем и кровными родичами.

¹ Аль-Агани, т. 4, с. 1343.

² Там же, с. 1345.

К числу наиболее известных поэтов-"бродяг" принадлежат такие выдающиеся поэты, как Урва ибн аль-Вард, аш-Шанфара, Тааббата Шарран, Амр ибн Баррак, аль-Фай, аль-Алам, Амр Зул-Кальб, Хаджиз аль-Азди¹.

В стихах поэтов-"бродяг" или "салуков" особенно часты мотивы оплакивания своего жалкого положения - постоянного голода, бесприютности, худобы, они всеми гонимы, все их ненавидят, они отверженные, обиженные. Однако, вместе с тем, салук - человек гордый, благородный и щедрый, выше всего ценящий свободу и независимость. Если он совершает набег - то для того, чтобы насытиться, если у него есть хоть что-нибудь - он обязательно поделится со своим собратом по несчастью. Постоянным мотивом поэзии салуков, придающим ей большую эмоциональную силу, которой вообще отличаются стихи поэтов-изгоев, является обращение к зверям пустыни - волку, гиене, гонимым, как и он, живущим, как и поэт, в постоянном страхе, вечно страдающим от голода, с трудом добывающим себе пищу, но не смиряющимся ни перед пустыней, ни перед человеком.

Один из наиболее известных поэтов-"салуков" - аш-Шанфара аль-Азди, вокруг имени которого сложилось множество легенд². Наиболее яркое произведение аш-Шанфары - так называемая "Арабская ламийа", содержащая все основные мотивы поэзии салуков - провозглашение разрыва с родичами, восхваление своих подвигов, описание своей худобы и бедности, а также смелости и гордости, насмешки над изнеженными богачами.

Сходно по настроению и мотивам творчество Таабата Шарран, который был близким другом аш-Шанфары.

Творчество этих поэтов, как явствует из источников, имело очень большой общественный резонанс, тем более, что многие из "салуков" позже заслужили похвалу пророка за благородство и щедрость.

В Заключении подводятся итоги исследования и подчеркивается, что "поэзия протеста" в разнообразных своих проявлениях сыграла очень большую роль в создании эмоциональной и интеллектуальной атмосферы, способствующей крутому повороту в общественном сознании. Стихи поэтов-"реформаторов", чьи отточен-

¹ Аль-Багдади, Хизанату-ль-адаб ("Сокровища адаба"), Каир, б/г, т. 3, с. 523.

² Аль-Агани, т. 25, с. 2889.

ные афоризмы становились очень скоро общим местом, привычными речениями, новизна которых уже не ощущалась, поэтов-христиан и особенно ханифов (главным образом Умейи ибн Абу-с-Салта, подготовившего общество Аравии к мысли о появлении арабского пророка) были частью того мощного движения общества, которое в конечном счете привело к коренному изменению общественного сознания в форме принятия новой религии - ислама и создания арабской государственности.

Ali Galimov

Подписано к печати 23.12.91
Объем 1,25 п.л. Печать офсетная
Тираж 100 экз. Зак. 297

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28